Ненастоящая тюрьма.

НЕНАСТОЯЩАЯ ТЮРЬМА

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
Шарлоттенштрассе 2.

ก๊ะ๖๘๖๑

Ненастоящая тюрьма.

I.

Когда человѣкъ начинаетъ писать воспоминанія, значитъ, надъ нимъ можно поставить крестъ. Въ особенности, когда къ нимъ приступаетъ человѣкъ, раньше никогда ничего не писавшій, какъ напримѣръ, я. На сколько мнѣ помнится, у меня въ прошломъ только одинъ литературный опытъ: сочиненіе обличительной корреспонденціи, не попавшей, вырочемъ, въ газету. Что крестъ надо мной поставленъ, — для меня внѣ сомнѣнія. Въ той конторѣ, гдѣ я служу съ тѣхъ поръ, какъ возвратился изъ Сибири, я чувствую себя, какъ на днѣ илистаго пруда, густо поросшаго водорослями и купыремъ. Я вижу миріады жадныхъ конскихъ піявокъ, жирныхъ глупыхъ и трусливыхъ жабъ. . . Самый настоящій моментъ жить прошлымъ. Мнѣ хо-

чется разсказать о пережитомъ въ Сибири, о тыремныхъ „бунтахъ“, о крупныхъ революціонерахъ, имена которыхъ внесены въ исторію. Съ ними мнѣ пришлось близко познакомиться въ Якутской области, гдѣ ихъ поселили послѣ того, какъ отбыли срокъ въ каторжныхъ работахъ. Велѣдствіе полной литературной неопытности, я никакъ не могу придать моимъ замѣткамъ опредѣленную форму и самъ не знаю, что это: мемуары, исторія или беллетристика. Все разсказанное было; но, въ то же время, это не исторія, потому что почти всѣ имена измѣнены. Назвать же мои „штрихи“ „беллетристическимъ“ произведеніемъ было бы непростительной дерзостью. Могу обѣщать только искренность и полную объективность. Въ одномъ мѣстѣ Достоевскій говоритъ: „нужно обладать подлой влюбленностью въ свое я, чтобы безъ стыда говорить о самомъ себѣ“. Къ счастью для читателей, этой влюбленностью я не отличаюсь, и потому личность автора всѣми силами постараюсь спрятать за кулисы. Быть можетъ, мнѣ удастся разсказать потомъ о нашей „артели“, какъ мы въ Средне-Колымскѣ прозвали нашу комуну, которая выдѣ-

лила нѣсколько человѣкъ, составившихъ теперь себѣ имя въ наукѣ и въ общей литературѣ.

Собственно говоря, я думалъ сразу начать съ „тюремнаго бунта“ въ Иркутскѣ, но первые мѣсяцы моего заключенія въ тюрмѣ маленькаго, глухого, провинціальнаго малорусскаго города тоже любопытны въ своемъ родѣ и я разскажу о нихъ. Такихъ условій сидѣнія, кажется уже больше нѣтъ даже въ глухихъ мѣстахъ. Городокъ нашъ лежитъ въ сорока верстахъ отъ станціи желѣзной дороги. Какъ видите даже въ Россіи, такія глухія мѣста переводятся. Есть тамъ гимназія, преобразованная изъ старинной коллегіи, устроенной іезуитами еще тогда, когда край принадлежалъ Польшѣ. Мы, человѣкъ десять товарищей, почти одного выпуска, учились въ Х-скомъ университетѣ и пріѣзжали на каникулахъ въ родную глушь. Еще въ пятомъ классѣ гимназіи мы устроили „революціонный кружокъ“. Можно догадываться, что въ то время дѣятельность наша была не особенно страшна: она заключалась, главнымъ образомъ, въ гектографированіи нелегальной литературы, въ распространеніи ея, безъ за-

мѣтныхъ результатовъ, впрочемъ. Городъ нашъ былъ тихій, сонный, плохо понимавшій порусски даже. Такъ продолжалось до окончанія гимназіи. Иные изъ членовъ „кружка“ не доползли до „зрѣлости“, вышли изъ шестого или седьмого класса и поступили на службу въ городскую думу, въ сиротскій судъ или въ крестьянское присутствіе, а то просто „занялись уроками“, спеціальнымъ „полудѣломъ“ русскихъ, взыскующихъ града. Другіе, окончивъ гимназію и поступивъ въ высшія учебныя заведенія, отстали. Мы харьковцы, первымъ дѣломъ, потянулись къ „настоящей революціи“ и, почти одновременно съ полученіемъ матрикула, я сталъ членомъ народовольческаго кружка. Въ моемъ родномъ городѣ никакихъ политическихъ арестовъ никогда не бывало въ то время (до 1884 г.). Жандармскій капитанъ, правда, былъ, но старый, лѣнивый, зажившійся на одномъ мѣстѣ, „совѣстливый“, по его собственнымъ словамъ. Но вотъ старика смѣнили и вмѣсто него налетѣлъ молодой капитанъ, пылавшій желаніемъ, „найти революцію“ и отличиться. Появились новые жандармы, зашныряли по немощеннымъ улицамъ, заросшимъ дерезой

и репейникомъ, субъекты съ воровскими глазами. Изданъ былъ приказъ о пропискѣ паспортовъ. Словомъ, городъ пріобщился къ россійской оффиціальной цивилизаціи. Въ іюнѣ начались аресты: забрали двухъ гимназистокъ, одну шестнадцати, другую восемнадцати лѣтъ, затѣмъ, нѣсколько товарищей, выбывшихъ изъ гимназіи и состоявшихъ на частной службѣ. Потомъ пошли еще и еще аресты. Интересно было наблюдать вначалѣ негодованіе обывателей, а потомъ — ихъ страхъ. Плюгавый капитанишко, котораго никто раньше не называлъ иначе какъ „халамидникъ“ (т. е. оборванецъ), теперь являлся всесильнымъ, и страшнымъ представителемъ центральной власти. Люди, занимавшіе хорошее общественное положеніе въ нашемъ уѣздѣ, т. е. крупные землевладѣльцы, которые даже на лѣстницѣ служебной іерархіи стояли гораздо выше „Халамидника“, — теперь трепетали передъ нимъ. Одинъ нашъ землякъ, богатый землевладѣлецъ, съ университетскимъ образованіемъ, человѣкъ уже далеко не молодой, отъ страха едва не помѣшался. Онъ былъ „украинецъ“, говорилъ не иначе, какъ по малорусски, отпустилъ

усы въ четверть аршина и въ „общественный“ клубъ являлся не иначе, какъ „въ мережанной кошулѣ“, т. е. въ вышитой сорочкѣ съ красной „стричкой“. Вмѣстѣ съ тремя другими украинцами мой землякъ занимался составленіемъ словаря особенностей нашего подольскаго малорусскаго говора и дошелъ даже до слова „бовкунъ“. Теперь, когда Халамидникъ переположилъ городъ, землякъ почему то вообразилъ, что его тоже заберутъ за лексикографическія упражненія. Подъ вліяніемъ этой мысли онъ поблѣднѣлъ, похудалъ, осунулся. Но проходитъ недѣля, другая, мѣсяцъ, его не забираютъ. Землякъ былъ увѣренъ — что это все „не даромъ“. И вотъ, встрѣтивъ разъ въ клубѣ Халамидника, землякъ не выдержалъ, раскинулъ руки и крикнулъ въ наступленіи:

— Да берить вже мене, бо я зовсимъ божевильный! (Берите меня, потому, что я совсѣмъ съ ума сошелъ!)

Въ нашемъ маленькомъ городкѣ, гдѣ аресты были впервые, секреты держались плохо, и мы скоро узнали, что одинъ изъ арестованныхъ выдаетъ. Сообщилъ это въ томъ же клубѣ смотритель тюрьмы; допросы произво-

дились въ его квартирѣ, въ залѣ. Смотрителя, конечно, высылали; но изъ залы выходила дверь въ спальную, а тамъ сидѣла смотрительша, славившаяся большой любознательностью и необыкновенно тонкимъ слухомъ. „Выдаваніе“ крайне заинтересовало насъ, харьковцевъ: можно было ждать, во всякомъ случаѣ, обыска по поводу старыхъ гимназическихъ кружковъ. Въ концѣ іюня мы узнали, что въ тюрьмѣ „готовятъ мѣста“ . . .

Я только что заснулъ подъ привычный монологъ бабы работницы въ сосѣдней комнатѣ:

— Ой, дежъ вы, літа мои молодіи? — причитала она.

— Пішлы пішки по орішки, — отвѣчала старуха за свои „молодые годы“.

— Ой верниться літа молодіи.

— Ни, Химо, не вернымось! и т. д.

Было около двѣнадцати часовъ ночи. Вдругъ слышу стукъ въ двери. Открываю глаза: въ щель просунулась голова работницы. Въ перспективѣ, теряясь въ темнотѣ смежной кухни, рисовались еще какія то фигуры, которыхъ я разобрать не могъ, потому что въ другой комнатѣ было совершенно темно.

— Панычу, до васъ прійшлы! — Раздался встревоженный шопотъ бабы. Легонькое позвякиванье шпоръ объяснило мнѣ непосредственно за тѣмъ, кто именно пришелъ.

— Скажите, бабуся, пусть войдутъ.

Но это приглашеніе было совершенно излишне, потому что двери распахнулись широко, и въ комнату вплылъ вихляя бедрами и побрякивая шпорами, Халамидникъ, за нимъ обрисовались бородатыя лица жандармовъ, а на заднемъ планѣ — фигура съ корявымъ лицомъ, съ воровскими, бѣгающими глазами. Я сидѣлъ на постели. Халамидникъ, стоялъ у дверей. Нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе.

— Я вынужденъ у васъ, милостивый государь, произвести обыскъ! — изысканно вѣжливо, даже съ легкимъ вздохомъ сказалъ Халамидникъ. Я быстро одѣлся. Но гнусная операція, къ которой мы, россійскіе люди, притерпѣлись, не начиналась, такъ какъ одного изъ жандармовъ послали за понятыми. Жилъ я на окраинѣ нашего городка, въ которомъ вообще обыватели забираются въ постель съ курами. Поэтому, понятыхъ нашли не скоро. Наконецъ, они явились, за-

спанные, перепуганные до крайности. То были подмастерья моего сосѣда, сапожника. Послѣ приглашенія „присутствовать въ качествѣ понятыхъ при обыскѣ у студента Коцюбы“, они робко стали на вытяжку у дверей, опустивъ руки по швамъ, какъ солдаты. Начался осмотръ. Я указалъ на сочинительскіе опыты, которые не счелъ нужнымъ уничтожить, готовясь къ обыску. Халамидникъ отложилъ ихъ въ сторону „для болѣе тщательнаго осмотра“, какъ онъ выразился. Не обошлось безъ маленькаго казуса. Халамидникъ, роясь всюду, вытащилъ связку моихъ еще гимназическихъ тетрадокъ. Въ одной изъ нихъ былъ переводъ стариннаго разсказа Тепфера „Le lac de Gers“, изъ хрестоматіи Фену, по которой у насъ тогда учились французскому языку. Въ этомъ разсказѣ повѣствуется, какъ туристъ попадаетъ къ контрабандистамъ, которые хотятъ его убить, подозрѣвая въ немъ шпіона.

— Je me moque des douanes. Je m'intéresse même à votre métier pénible! — отвѣчаетъ испуганный туристъ. Такъ какъ въ пятомъ классѣ я уже былъ членомъ кружка, то фразу эту перевелъ, отступивъ нѣсколько отъ текста:

„Я плевать хочу на жандармерію и даже интересуюсь вашимъ труднымъ ремесломъ“.

Листокъ съ этой именно фразой остановилъ вниманіе моего гостя.

— Что это такое? — внушительно спросилъ онъ. Я объяснилъ, порылся даже въ ворохѣ старыхъ учебниковъ, перевязанныхъ бичевкой и покрытыхъ пятигодичной пылью, досталъ Фену и нашелъ строку. Халамидникъ посмотрѣлъ на книжку, потомъ на тетрадку и кончилъ тѣмъ, что пріобщилъ и ту, и другую къ кучкѣ, отобранной для „болѣе тщательнаго осмотра“. Послѣ этого я уже не изумился, когда офицеръ, доставъ брошюрку Тэна „Соціализмъ, какъ правительство“, неодобрительно покрутилъ головой, справился съ какой то книжкой, привезенной съ собой и потомъ отобралъ этотъ плоскій консервативный памфлетъ. Въ общемъ, Халамидникъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, острилъ и хвасталъ, какъ долженъ былъ разъ просмотрѣть три тысячи книгъ. Наконецъ, осмотръ кончился. Отобранную пачку обвязали и запечатали, при чемъ горячая капля сургуча попала на палецъ жандармскому унтеръ-офицеру, составили протоколъ и отпу-

стили съ миромъ подписавшихъ его понятыхъ, къ не малой ихъ радости. Было три часа. Я мечталъ о томъ, какъ славно высплюсь сейчасъ и наверстаю потерянное время. Но заснуть мнѣ такъ и не пришлось. Мою комнату я снова увидѣлъ только черезъ семь лѣтъ. Методически сложивъ протоколъ въ портфель, Халамидникъ вытащилъ оттуда какую то бумажку въ четвертушку и подалъ ее мнѣ.

— Я вамъ долженъ объявить печальную новость, — сказалъ онъ со вздохомъ. Въ глазахъ у меня зарябили строки или, точнѣе, отдѣльныя слова. Хорошо я замѣтилъ только строку: „немедленно арестовать и препроводить въ N—скій тюремный замокъ". „Значитъ — подумалъ я, — дѣло не о Харьковѣ, а о старинномъ гимназическомъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ когда-то".

За воротами мы сѣли въ дожидавшійся извощичій фаэтонъ и поѣхали. Былъ конецъ іюля. Ночь стояла темная. Близился разсвѣтъ. Болшая медвѣдица перекинулась хвостомъ внизъ. Пѣтухи вездѣ заливались. Поѣхали мы не въ „Тюремный замокъ", а къ Халамиднику домой, гдѣ онъ предложилъ мнѣ

перекусить съ нимъ. Но если бы даже я былъ сильно голоденъ, то, конечно, не отвѣдалъ бы жандармской хлѣба-соли. Какъ любезный хозяинъ, Халамидникъ развлекалъ меня разговорами; но признаться, я не слушалъ ихъ, такъ какъ думалъ о другомъ и отвѣчалъ невпопадъ. Я попросилъ лишь умыться.

— Сердюковъ, дай умыться! — скомандовалъ офицеръ немедленно, — но пошелъ вмѣстѣ со мною въ другую комнату. Черезъ полчаса мы опять поѣхали. Везли уже меня два жандарма, безъ Халамидника. Разсвѣтало. Дулъ легкій вѣтеръ. На базарѣ, мимо котораго мы проѣзжали, уже гомозились, хотя въ утреннемъ мракѣ едва вырисовывались черныя деревянныя будки на берегу грязной улицы. Вотъ и обнесенная стѣной тюрьма, которую городъ снималъ у частнаго лица; ее перестроили изъ частной женской гимназіи. Смотрителя разбудили. Онъ вышелъ въ халатѣ, протирая глаза.

— Вотъ спать не дадутъ! Цѣлую ночь возятъ да возятъ! — сказалъ онъ съ досадой. И вы тутъ, пане Коцюба? — Въ маленькомъ городѣ мы не только знали другъ друга хорошо, но даже всю генеалогію каждаго. Мы

зашли въ контору, слабо освѣщенную одною лампочкою съ абажуромъ изъ листа бумаги. По стѣнамъ, оклееннымъ сѣрыми, грязными до невѣроятности, грошевыми обоями, были навѣшаны портретъ царя, расписанія и еще какая то дрянь. Вошелъ караульный и сонно принялся обыскивать меня. Снялъ пальто, сюртукъ, осмотрѣлъ карманы, но дальше раздѣвать не сталъ, а просто провелъ ладонями по груди и вдоль ногъ. Записали мое званіе, лѣта, вѣроисповѣданіе. Смотритель выдалъ жандармамъ квитанцію въ принятіи груза и они уѣхали.

— Ну, пойдемте теперь, палацъ смотрѣть, — сказалъ мнѣ смотритель. У насъ говорятъ съ сильной примѣсью польскихъ и малорусскихъ словъ. На тюремномъ дворѣ было почти уже свѣтло. Мы прошли въ какія то ворота. Вотъ загремѣли ключи, щелкнулъ замокъ, заскрипѣлъ засовъ. Мы вошли въ маленькую переднюю; опять заскрипѣлъ засовъ.

— Ну, вотъ вамъ и палацъ. Чи подушку имѣете? — спросилъ смотритель. — Нема? Дома забыли? Ну, такъ поспите. Завтра, п е в н о (вѣрно), привезутъ вамъ.

Ключникъ засвѣтилъ маленькую жестяную лампочку; за тѣмъ обѣ двери захлопнулись. Я остался одинъ. Первый моментъ заключенія — самый тяжелый. Кажется, что теперь навсегда уже оторванъ отъ всего міра, что все прошлое изчезло . . . Я оглянулся. Камера имѣла аршина три въ длину и аршина два въ ширину. Окно было высоко подъ потолкомъ, узенькое, не больше, чѣмъ въ четверть аршина въ вышину и около аршина въ ширину. Стѣны, повидимому, только что выбѣлили. Вся мебель состояла изъ маленькаго чернаго столика да изъ узенькой кушетки, короткой до такой степени, что когда я прилегъ, ноги на цѣлую четверть болтались въ воздухѣ. Впослѣдствіи, обжившись, я узналъ, что начальство звало эту камеру секретной, а арестанты карцеромъ.

Я снялъ пальто, сюртукъ и присѣлъ на кушетку. Въ головѣ вихремъ кружились обрывки мыслей; я еще не освоился съ новымъ положеніемъ. Наканунѣ я долго просидѣлъ у пріятеля, тоже студента, пріѣхавшаго изъ Петербурга. „До завтра!“ — сказалъ я, уходя. Теперь я думалъ: „Когда то будетъ

это завтра?“ — Точь въ точь, какъ у Жуковскаго рудокопъ, который ушелъ, крикнувъ невѣстѣ: „до вечера“ и потомъ не вернулся.

Наконецъ, я додумался до лучшаго рѣшенія: нужно спать. Я только что легъ, какъ замѣтилъ, что по подушкѣ, лѣниво перебирая ножками, ползетъ клопъ, за нимъ другой, поменьше. Я взялъ лампу и поднялъ ее къ стѣнѣ надъ кроватью. Испуганная свѣтомъ армія клоповъ метнулась въ разсыпную. Сонъ прошелъ. Что теперь дѣлать? Вспомнилъ я, что читалъ про тюрьмы и взялъ лампу, чтобы поискать на стѣнахъ не клоповъ, а надписи прежнихъ постояльцевъ. Поиски не дали никакихъ результатовъ: стѣны были только что выбѣлены. Усталость и молодость взяли, наконецъ, свое и, несмотря на духоту, на клоповъ и на короткую постель, я заснулъ.

II.

Проснулся я, когда было уже нерано. Который часъ — я не зналъ, потому что карманы у меня вычистили вчера въ конторѣ. Солнца я тоже не видалъ, такъ какъ прямо

противъ окошечка виднѣлась высокая, каменная стѣна. Въ дверяхъ камеры было окошечко въ квадратную четверть, забранное крѣпкимъ желѣзнымъ переплетомъ. Такое же окошечко было въ дверяхъ передней, выходившей прямо во дворъ, такъ что я могъ видѣть все, что дѣлается тамъ. Къ наружному окошечку приложилось какое то бородатое лицо, съ черными всклокоченными волосами, и съ любопытствомъ принялось разсматривать меня. Потомъ появилась рыжая борода, потомъ я увидѣлъ круглую, какъ луна, красную, какъ свекла, рожу, затѣмъ — старческую, подслѣповатую. Это — уголовные арестанты разсматривали рѣдкаго въ N-ской тюрьмѣ звѣря — „политическаго“.

— Панычу, вашихъ ще богато у ночі привезли! — громкимъ шопотомъ отрапортовала лохматая голова. Раздался сердитый окрикъ ключника, и голова изчезла. Сквозь окошечко я видѣлъ теперь длинный, узкій дворикъ, по которому взадъ и впередъ расхаживали арестанты въ бѣлыхъ портках и рубахахъ. Иные лежали на разостланныхъ соломенныхъ подстилкахъ. Одинъ снялъ рубаху и занимался охотничьимъ промысломъ съ большимъ

успѣхомъ; другой, тоже безъ рубахи, такъ что виднѣлись мускулистыя, изъѣденныя клопами руки и лохматая грудь, перегнувшись такъ, что волосы нависли на глаза, стиралъ что-то въ красной кадушкѣ. При солнечномъ свѣтѣ я принялся изучать болѣе подробно топографію моей обители. На стѣнахъ, подъ тонкимъ слоемъ штукатурки, оказались цѣлый рядъ нацарапанныхъ надписей. Я нашелъ азбуку для перестукиванія, затѣмъ слова: „здѣсь бувъ Микыта Волниченко пійшовъ у Сибиръ“.

За стѣной я уже давно слышалъ какіе то звуки, похожіе на пѣніе. Я тоже запѣлъ. Сосѣдъ услыхалъ меня, замолчалъ, затѣмъ крикнулъ громко: „къ окну!“ Читатели должны помнить, что я описываю „дореформенную“ тюрьму въ глухомъ, провинціальномъ городкѣ, гдѣ политическіе были въ новинку (семнадцать лѣтъ тому назадъ). Добраться до окна было, однако, не совсѣмъ то легко. Я взобрался на столъ, поднялся на цыпочки и лишь тогда добрался до окна, которомъ, по лѣтнему времени, рамы не было.

— Здравствуйте! — раздался голосъ, какъ будто съ неба.

— Викторъ, это ты! — узналъ я товарища по гимназіи и по университету.

— Онъ самый! И тебя, Карасъ-Идеалистъ, изволили? Клички и прозвища за мной съ дѣтства не переводились. Въ особенности же мастеромъ на нихъ былъ Викторъ Карасемъ-Идеалистомъ, героемъ щедринской сказки, желающимъ убить щуку однимъ словомъ — „добродѣтель“, — окрестили меня на сходкѣ въ Харьковѣ, когда я принялся ораторствовать, что революціонеры не пробовали еще обличать и у б ѣ ж д а т ь нѣкоторыхъ своихъ противниковъ. Викторъ доказывалъ, что обличенія ни къ чему не поведутъ, такъ какъ нужно д ѣ л о. Теперь я съ нимъ согласенъ.

Изъ третьей камеры тоже отозвался товарищъ, котораго мы и въ гимназіи, и въ университѣ знали подъ кличкой „Шпурка“, данной ему еще въ приготовительномъ классѣ. Точнѣе сказать, то была родовая кличка, пожалованная его старшему брату и перешедшая къ нему по наслѣдству.

— Шпурка, ты что дѣлаешь? — крикнулъ Викторъ.

— Клоповъ давлю! — флегматически отвѣтилъ товарищъ. Совсѣмъ, черти, одолѣли.

Шпурка, однако, зналъ уже отъ уголовнаго арестанта, что всѣхъ насъ въ эту ночь арестовано восемь человѣкъ. Часовой, закинувъ ружье на плечо, съ любопытствомъ глядѣлъ на насъ. Въ дверяхъ защелкалъ замокъ. Показался долговязый, рыжій надзиратель, а за нимъ — жандармъ.

— Пожалуйте въ контору! — буркнулъ онъ. Меня повели на допросъ.

Я не стану говорить здѣсь подробно о немъ. Каждый изъ насъ принялъ особую систему держаться на допросахъ, хотя, въ общемъ, почти всѣ, въ то же время, слѣдовали одному правилу, по моему, великолѣпному: не давать никакихъ показаній. Самый старшій изъ насъ (ему было двадцать четыре года и онъ кончалъ въ томъ году университетъ) Марковскій, или Карлычъ, какъ мы его величали по отчеству, категорически отрѣзалъ на первомъ допросѣ, что „имѣетъ честь принадлежать къ партіи „Народной Воли““ и больше никакихъ отвѣтовъ не дастъ. Онъ дѣйствительно, не давалъ ихъ, если не считать заявленія въ крайне откровенной и грубоватой формѣ, что онъ думаетъ о Халамидникѣ. Изъ тюрьмы Карлычу удалось какъ то пере-

слать контрабандой письмо своей невѣстѣ на волю, въ которомъ, была между прочимъ, поговорка „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“. Халамидникъ письмо перехватилъ; допрашивая потомъ невѣсту Карлыча, онъ почеркнулъ ногтемъ поговорку и злорадно крикнулъ: „а вотъ и съѣмъ! а вотъ и съѣмъ!“ Нужно сказать, что Халамидникъ былъ уже озлобленъ на Карлыча и увѣрялъ всѣхъ, что „упечетъ“ его на 20 лѣтъ въ каторгу. Не больше и не меньше. Халамидникъ мечталъ устроить процессъ о „N—скихъ революціонныхъ кружкахъ“: но это ему не удалось. Карлычъ, какъ и почти всѣ мы, пошелъ административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь на пять лѣтъ. Рѣшительно къ такому же наказанію приговорили двухъ нашихъ бывшихъ товарищей по гимназіи, арестованныхъ раньше и плохо державшихся на допросахъ.

Систематически также злилъ Халамидника на допросахъ Викторъ, но только нѣсколько иначе, чѣмъ Карлычъ. Съ прибаутками и поговорками, вполнѣ народными, но не всегда цензурными, Викторъ заявилъ жандарму, что считаетъ приглашеніе давать показанія не умной шуткой.

— Господинъ Куличенко! — крикнулъ Халамидникъ, — вы ведете опасную игру.

— А что?

— Вамъ грозитъ каторга.

— Кусь мене, вовче, хочь зубівъ не маешь!

— Извольте говорить порусски. Повторяю вамъ, васъ ждетъ Сибирь.

— Вотъ хорошо, господинъ Дремлюга! (такъ была настоящая фамилія Халамидника) значитъ, я буду имѣть удовольствіе снова васъ встрѣтить!

— Какъ такъ! — опѣшилъ Халамидникъ.

— А вотъ когда васъ туда со шпанкой (т. е. съ уголовной партіей) пригонятъ за присвоеніе казенныхъ денегъ, — самымъ любезнымъ тономъ, помалорусски отвѣтилъ Викторъ. Дремлюга побѣлѣлъ отъ бѣшенства и велѣлъ увести Виктора.

— Я вамъ покажу, господинъ Куличенко, какъ шутки шутить! — крикнулъ онъ въ догонку. И дѣйствительно показалъ. Виктора лишили свиданій, книгъ, даже прогулокъ. Одиночное заключеніе тѣмъ страшнѣе, чѣмъ внутренній міръ заключеннаго бѣднѣе. Для уголовныхъ, напр., „секретъ“, т. е. одиночка, страшнѣе каторги. Это я наблюдалъ во всѣхъ

тѣхъ многочисленныхъ тюрьмахъ, гдѣ перебывалъ, пока добрался до Якутска. Въ харьковской одиночной камерѣ, куда насъ потомъ перевезли изъ родного N., на стѣнѣ я нашелъ надпись, сдѣланную, очевидно, уголовнымъ, „сижу въ секрете одинокъ какъ зверь“. Изъ политическихъ заключенныхъ, поэтому же, интеллигенты, въ общемъ, лучше и дольше выносятъ одиночное заключеніе, чѣмъ рабочіе (т. е. такъ было въ мое время, лѣтъ семнадцать тому назадъ). Но сидящимъ необходимы книги, которыя одни могутъ дать жизнь мысли, цѣпенѣющей въ одиночной камерѣ безъ всякихъ впечатлѣній. Внутренняя жизнь у Виктора была богата; однако два мѣсяца абсолютно безъ книгъ отозвались и на немъ. Но онъ скоро придумалъ себѣ занятіе.

— Книгъ нельзя. Ладно. Такъ разрѣшите мнѣ иглу и нитки.

Это ему дали больше для того, чтобы увидѣть, что онъ съ ними станетъ дѣлать. Викторъ распоролъ одну рубаху по швамъ, затѣмъ сталъ ее опять сшивать. Потомъ выписалъ себѣ парусину и велѣлъ разрѣзать ее на лоскутки различныхъ размѣровъ. Изъ нихъ онъ сталъ шить мѣшечки, одни по-

меньше, другіе побольше и вкладывать ихъ другъ въ друга. Черезъ три мѣсяца Виктору возвращено было право получать книги, но одного только духовно нравственнаго содержанія.

— Библію можно? — спросилъ онъ.

— Конечно.

Викторъ выписалъ себѣ библію на англійскомъ языкѣ, которому сталъ учиться. Нашъ товарищъ ошибался, когда назначалъ Дремлюгѣ свиданіе въ Сибири; не потому ошибся, что жандармы отличаются великой честностью, а потому, что высшее правительство потворствуетъ своимъ охранителямъ, даже если они свершатъ преступленіе. Вотъ наглядный примѣръ. Тотъ же Дремлюга черезъ годъ арестовалъ единственнаго сына очень богатой землевладѣлицы нашего уѣзда. Она совсѣмъ потеряла голову. Тутъ Дремлюга, черезъ посредство своей любовницы, жены городского головы, далъ знать маменькѣ, что за двадцать тысячъ рублей онъ или совсѣмъ выпуститъ сынка ея, или, во всякомъ случаѣ, представитъ дѣло такъ, что арестованный отдѣлается ничтожнымъ наказаніемъ. Запуганная маменька, — безъ вѣдома сына, конечно,

— согласилась въ принципѣ дать взятку, но, какъ настоящая малороссіянка типа гоголевской Василисы Кашпаровны Цупчевской, — стала торговаться и послѣ долгихъ переговоровъ сбила ее до четырехъ тысячъ, которыя и были вручены Дремлюгѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого нашъ городской голова засталъ у себя Дремлюгу en flagrant délit. Халамидникъ позорно бѣжалъ черезъ окно, благо, дома въ нашемъ городкѣ одноэтажные, оставивъ свой мундиръ, сапоги и пр. Мужъ тутъ же выгналъ и жену. Черезъ часъ, конечно, о событіи зналъ весь городъ, а черезъ день — весь уѣздъ. Жена Дремлюги пришла въ ярость. Она знала о взяткѣ, но ей неизвѣстно было, какъ велись переговоры. Теперь, чтобы отомстить мужу, жена донесла на него. Дремлюгу не отдали подъ судъ; но перевели только на другое мѣсто въ сыскное отдѣленіе, въ Петербургъ, а теперь, если не ошибаюсь, онъ съ повышеніемъ назначенъ начальникомъ жандармскаго уѣзднаго правленія въ Николаевѣ.

Уже не задолго передъ тѣмъ, какъ насъ всѣхъ перевели въ Харьковъ, у Виктора вышла опять исторія съ Халамидникомъ.

— Какъ хорошо играетъ вашъ братецъ, господинъ Дремлюга? — съ любезной улыбкой обратился къ нему Викторъ, когда офицеръ обходилъ камеры. — Вы ему поручите устроить филіальное сыскное отдѣленіе т а м ъ, не правда-ли? Таперъ — очень хорошее общественное положеніе въ „институтѣ безъ древнихъ языковъ“, поэтому онъ сможетъ дать вамъ драгоцѣнныя свѣдѣнія.

Халамидникъ скрипнулъ зубами и отвѣтилъ, задыхаясь отъ злобы: „лучше ужъ быть таперемъ т а м ъ, чѣмъ преступникомъ противъ царя и престола“.

— На вкусъ и на цвѣтъ товарища нѣтъ, господинъ Дремлюга, — невозмутимо сказалъ Викторъ.

Мы узнали потомъ, въ чемъ дѣло отъ Виктора. Братъ Дремлюги учился въ П—ской гимназіи, въ пятомъ классѣ. Онъ былъ вполнѣ „благонамѣренный“ и отличался любовью къ игривой музыкѣ; изъ любви къ искусству, сталъ таперомъ въ одномъ неудобоназываемомъ учрежденіи. Объ этомъ узнало гимназическое начальство, но не рѣшилось исключить брата жандармскаго капитана.

— Да ты откуда все это вывѣдалъ? — изумлялись мы.

— Не все же жандармамъ знать всю подноготную, — загадочно отвѣтилъ Викторъ.— Иногда она и революціонеру можетъ пригодиться.

Шпурка принялъ другую систему держаться на допросахъ. Онъ слушалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ убѣжденія Халамидника „принести искреннее покаяніе“. Шпурка былъ очень моложавъ даже для своихъ двадцати двухъ лѣтъ. Тоненькій, худощавый, съ впалой грудью, безъ слѣда пушка на щекахъ и на верхней губѣ — онъ казался вытянувшимся пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Онъ смѣшно моргалъ глазами и совсѣмъ по дѣтски гримасничалъ, когда задумывался. Халамидникъ же считалъ себя психологомъ и рѣшилъ, что именно запугиваніемъ можно добиться всего отъ Шпурки. Какъ удивился онъ, когда товарищъ, выслушавъ совершенно спокойно монологъ, сказалъ:

— Буду аргументировать и я съ вами. Ну, какая мнѣ выгода давать показанія да еще оговаривать другихъ? Суду вы меня не можете предать. Вы сами знаете, что ваши

угрозы неосуществимы. Значитъ, дѣло будетъ разсмотрѣно административнымъ порядкомъ. Къ какому наказанію меня могутъ приговорить на основаніи тѣхъ обвиненій, которыя доставлены вамъ „агентурнымъ путемъ“, — какъ вы изволите выражаться или, по просту, шпіонской сволочью? Пошлютъ на три года въ Оренбургскую губернію. Что же? Я тамъ кумысомъ полѣчусь. Видите, грудь впалая. Давать вамъ показанія! Мнѣ двадцать два года. Возвращусь я изъ ссылки въ 25—26 лѣтъ. Вся жизнь впереди, а тутъ вы предлагаете мнѣ, чтобы я самъ убилъ ее „откровенными показаніями“.

— Ну не на кумысъ, а на морошку мы васъ пошлемъ, — огрызнулся Дремлюга.

— Что жъ, и морошка дѣло доброе! — невозмутимо отвѣтилъ Шпурка. — Отчего не попробовать? Гдѣ ее у насъ достанешь? Шпурка не далъ никакихъ показаній; но нашелъ себѣ своеобразное развлеченіе въ бесѣдахъ съ Дремлюгой. Замѣтивъ его невѣжество, товарищъ сталъ „просвѣщать“ его фантастическимъ путемъ. Въ то время „Капиталъ“ Маркса не былъ еще такъ популяренъ, какъ теперь. Шпурка, отлично изучив-

шій какъ первый, такъ и второй томъ, тогда только что вышедшій, увѣрилъ Дремлюгу, что Марксъ выступилъ цѣлой главой противъ народовольцевъ. Халамидникъ подѣлился этимъ открытіемъ, какъ результатомъ собственнаго чтенія, съ нѣкоторыми изъ насъ на допросахъ. Мы только недоумѣвали, откуда это. Въ результатѣ было то, что намъ разрѣшили взять Маркса съ собой. Въ часовой башнѣ, въ „Бутырской академіи“, въ Москвѣ товарищи удивлялись потомъ, почему это въ партіи такъ много экземпляровъ „Капитала“ и всѣ привезены N-цами, т. е. нами.

III.

Въ моихъ бумагахъ я нашелъ любопытный человѣческій документъ. Это — письмо предателя Х—скаго, теперь уже умершаго, котораго присоединили къ нашей партіи въ Москвѣ. Онъ былъ „интеллигентъ“, дворянинъ, учился въ реальномъ училищѣ, но курса не кончилъ. Х—скій принималъ участіе въ кружкахъ, устроилъ даже самъ революціонный кружокъ среди рабочихъ, который

потомъ самъ же предалъ. Когда его арестовали, Х—скій сталъ сразу выдавать и выдавать злостно. Черезъ пять мѣсяцевъ его выпустили на поруки. Въ провинціальномъ городѣ отвернулись отъ него всѣ знакомые. Упорно говорили (что и подтвердилось), что Х—скій и другой предатель, тоже выпущенный на поруки, Д—ко, находятся въ постоянной связи съ жандармами. Къ великому удивленію, черезъ годъ съ небольшимъ Х. и Д. опять арестовали и приговорили перваго къ тремъ годамъ, а второго къ пяти годамъ административной ссылки въ Восточную Сибирь. Въ Бутырки прибыли еще другія партіи и тоже привезли съ собой предателей. Набралось ихъ пять человѣкъ. Товарищи судили ихъ и отправили въ „Сѣверную башню“. (Послѣ протеста въ Москвѣ мы добились „конституціи“; однимъ изъ пунктовъ ея было право переходить изъ „Часовой“ башни въ „Сѣверную“. Изъ „чумного квартала“, какъ окрестили тогда остряки Сѣверную башню, Х—скій прислалъ намъ письмо, изъ котораго привожу выдержки. „Я былъ арестованъ. Описывать вамъ возмутительныя сцены выпытыванія, запугиванія и т. п. — я не буду,

такъ какъ онѣ хорошо извѣстны каждому изъ васъ; но то, что на взрослаго, здороваго человѣка не оказало бы вліянія, на мнѣ не могло не отразиться самымъ гибельнымъ образомъ.

Вышедши на свободу послѣ пятимѣсячнаго заключенія, я былъ вполнѣ увѣренъ, что избавился отъ каторги и, къ стыду своему, радовался. Но это было только на первымъ порахъ. Долго обманывать самого себя, успокоивать нелѣпыми афоризмами было невозможно. Начались мученія, вызываемыя угрызеніями совѣсти, которыя возрастали по мѣрѣ возвращенія сознанія, овладѣвавшаго мною. Я готовъ былъ надѣлать массу ни съ чѣмъ не сообразныхъ поступковъ. . . Какъ ни странно, но я способенъ былъ ходить къ жандармамъ, въ которыхъ хотя и видѣлъ ближайшую причину моихъ несчастій, искалъ какъ будто бы утѣшенія; съ непонятнымъ для меня цинизмомъ, я смѣялся надъ тѣмъ, чему недавно поклонялся. Это было состояніе изступленное, какое то, издѣвательство надъ самимъ собою. . . Это имѣло свои слѣдствія; мнѣ совѣтовали ѣхать въ Харьковъ, гдѣ бы я могъ найти себѣ должность,

конечно, по протекціи харьковскихъ жандармовъ. Я бы солгалъ, говоря, что я не зналъ, что нужно было сдѣлать, чтобы добиться такой протекціи, но я поѣхалъ (при чемъ замѣчу, что какъ самыя эта поѣздка, такъ и послѣдующія мои дѣйствія не были у меня проявленіемъ свободной воли; насколько я умѣю анализировать себя, — это было одно изъ явленій гипнотизма).

. . . Прошло мѣсяца два. Вѣроятно я не проявлялъ ожидаемыхъ способностей: „мѣста мнѣ не давали. Между тѣмъ оставаться далѣе въ Харьковѣ для меня было невозможно. Общественное мнѣніе клеймило меня безпощадно. Я бѣжалъ въ Е., преслѣдуемый призраками, создаваемыми преступной совѣстью. . . Я спасся усидчивой работой. . . Но вдругъ, неожиданно для меня, я былъ арестованъ вторично и приговоренъ къ ссылкѣ“. Авторъ письма просилъ прощенія у товарищей за іудинъ грѣхъ. Въ ссылкѣ Х-ій пробылъ не долго: его возвратили раньше срока; но на родинѣ отъ него отвернулись рѣшительно всѣ. Х. вторично „бѣжалъ“ въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ умеръ отъ разрыва сердца. Эта исторія имѣетъ

много поучительнаго; она иллюстрируетъ, какъ лучше всего держаться на допросахъ. У Х-аго предательство явилось результатомъ не столько подлости, сколько трусости. И, несмотря на хожденія къ жандармамъ, онъ все же пошелъ въ ссылку. Онъ былъ отверженнымъ въ Бутыркахъ, отверженцемъ въ Ачинскѣ и паріей въ родномъ городѣ. Молодые читатели видятъ, что разсужденія Шпурки о томъ, что не давать показанія выгоднѣе — совершенно правильны. Еще прибавлю слѣдующее. Нѣтъ кажется ни одного предателя, который не оправдывался бы „гипнозомъ“. Въ Бутыркахъ при насъ было пять предателей и всѣ они ссылались, болѣе или менѣе складно, на несчастный „гипнозъ“.

IV.

„Дѣло“ наше черезъ четыре мѣсяца приняло „дурной оборотъ“, какъ заявилъ намъ торжественно Халамидникъ, и насъ рѣшено было препроводить въ Харьковъ, въ „настоящую тюрьму“, по выра женію жандарма. А

покуда мы провели Рождество „не въ настоящемъ“ острогѣ. Къ этому времени мы имѣли уже большія льготы. Наши камеры были отперты цѣлый день; мы могли даже ходить по всѣмъ тюремнымъ дворамъ. Съ одной стороны, политическіе были въ новинку въ нашей дореформенной тырьмѣ; съ другой, — наши маменьки, дядюшки и просто знакомые оказывали давленіе на прокурора, на смотрителя. Въ сущности говоря, „все общество“ нашего глухого городка и уѣзда имѣло своихъ представителей въ тырьмѣ. Директоръ тюремнаго комитета, предъ тѣмъ, какъ насъ увезли, просилъ дать ему „наши автографы на память“. Это былъ очень хорошій и добрый старикъ, знавшій насъ съ дѣтства, такъ какъ онъ состоялъ также почетнымъ попечителемъ нашей гимназіи. Мы ему поднесли не „афтографы“ а цѣлый адресъ: нарисовали ему тюремный дворъ и пр. Старикъ прослезился; явился проститься и совсѣмъ расплакался, цѣлуясь съ нами. Пожалуй, даже въ глуши теперь такія идилліи уже перевелись.

Нѣсколько словъ о топографіи нашей тюрьмы. Дворовъ всѣхъ было въ ней че-

тыре. Одинъ назывался „панскимъ“, такъ какъ смотрителя всѣ арестанты величали „паномъ“. Здѣсь помѣщалась контора, квартира смотрителя и баня. Въ углу панскаго двора, за перегородкой, находилось бабье отдѣленіе, гдѣ гвалтъ и галдежъ кипѣлъ съ утра до вечера. Длиннымъ заборомъ изъ заостренныхъ палей панскій дворъ отдѣлался отъ собственно тыремнаго, перегороженнаго такимъ же заборомъ на двѣ части: на срочный, или вежевый дворикъ и на подслѣдственный, въ который выходили и наши камеры. Доски и пали забора были сплошь изрѣзаны именами цѣлаго ряда острожныхъ поколѣній. Всюду арестанты ухитрились провертѣть дырки, у которыхъ цѣлый день стояли и выглядывали, что дѣлается на панскомъ дворѣ. Припоминаю еще особенность этого забора: арестанты имѣли странную привычку конопатить щели когда стриглись, своими волосами. Поэтому, промежутки между палями напоминали нѣсколько отдѣлку индійскаго мокасина. Во всей тюрьмѣ не было ни одного двухэтажнаго зданія.

Приближалось Рождество. За нѣсколько дней сформировался хоръ. Хотя многіе аре-

станты отказывались пѣть молитвы по вечерамъ, послѣ переклички, но, тѣмъ не менѣе, они любили собираться въ кружокъ и пѣли и свѣтскія, и духовныя пѣсни. На „вежевомъ“ дворѣ по субботамъ и наканунѣ праздниковъ репетировалась церковная служба. Регентомъ хора былъ первой гильдіи купецъ Свынорыловъ, преданный суду за злостное банкротство больше чѣмъ на два милліона. Церковную службу онъ любилъ до страсти. Служить дьячкомъ при тюрменомъ священникѣ доставляло ему величайшее наслажденіе. Онъ всю свою камеру размалевалъ углемъ. На одной стѣнѣ онъ нарисовалъ скелетъ съ косой у ногъ, какъ солдатъ, берущій на караулъ. Далѣе изобразилъ подобіе домика съ надписью: „духовная аптека“. Всю заднюю стѣну занимала картина, на которой любопытные зрители могли замѣтить монаха, у котораго одна рука выросла изъ середины груди; за монахомъ, на деревѣ, висѣлъ змѣй, и все это, присѣвъ на корточкахъ, какъ бы мучимый коликами, созерцалъ чортъ съ громаднѣйшими рогами ухватомъ и хвостомъ невѣроятной длины. Подъ картинной художникъ нарисовалъ гробъ. Живопись была, какъ на любочныхъ

картинкахъ, но Свинорыловъ ею, повидимому, очень гордился, что видно было по той готовности, съ которой онъ объяснялъ намъ значеніе рисунковъ, когда мы добились права бродить по всѣмъ дворамъ. Въ одномъ углу стоялъ налой, на которомъ лежало евангеліе въ серебряномъ переплетѣ. Въ камерѣ пахло ладаномъ, и какимъ то божественнымъ масломъ. Въ первый разъ, когда судебный слѣдователь вошелъ въ „келію“, какъ называлъ Свинорыловъ свою камеру, онъ покосился на живопись, пожалъ плечами и приступилъ къ допросу. Свинорыловъ, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, былъ очень строенъ и лицомъ — бѣлъ и румянъ. Когда то онъ былъ маленькій прикащикъ, плѣнилъ красотой богатую купчиху-хозяйку, которая и женила его на себѣ.

Каждый день, выспавшись послѣ обѣда, Свинорыловъ, попивая чай изъ блюдечка, собиралъ вокругъ себя „вежевыхъ“, т. е. арестантовъ, приговоренныхъ къ высидкѣ, и велъ съ ними душеспасительные разговоры. Слушатели подобострастно поддакивали, разчитывая получить „на заварку“, т. е. щепотку чая. По субботамъ устраивалась генеральная репе-

тиція. Свинорыловъ имѣлъ необыкновенно свѣжій и чистый теноръ. Вначалѣ мы слышали: „Господи помилуй“ и „Иже херувимы“, потомъ серію малорусскихъ пѣсенъ. Все это вершалось солдатскими пѣснями самаго вольнаго содержанія, потому что Свинорыловъ, несмотря на акафисты, душеспасительныя бесѣды съ арестантами и на „духовную аптеку“ — былъ сквернословъ и бабникъ первой руки. Запахнувъ бѣлой, пухлой рукой на объемистомъ животѣ сѣрый халатикъ на бѣлыхъ мерлушкахъ, Свинорыловъ самымъ разудалымъ образомъ выводилъ вольныя похожденія солдатской дѣвицы Фени. По всѣмъ дворамъ тогда разносился гамъ нестройнаго хора, покрывавшагося взвизгиваніями запѣвалы.

— Разгулялся, старый жеребецъ! — говорила тогда презрительно острожная аристократія — бродяги.

Передъ Рождествомъ хоръ организовался изъ бродягъ и подслѣдственныхъ. Регентомъ выбрали высокаго старика въ скуфьѣ, въ сѣромъ нанковомъ подрясникѣ съ оборванной полой, странника, какъ онъ самъ себя называлъ. Разучиваемыя пѣсни держались въ большомъ секретѣ отъ насъ.

— Что у васъ будетъ, Вятскій, — спросилъ я знакомаго бродягу.

— Э, нельзя. Вотъ ужъ сами увидите на праздникахъ, — таинственно отвѣтилъ онъ. Къ сочельнику тюремный комитетъ прислалъ тридцать пять рублей. Кашевары сварили рыбу, кутью и взваръ. Все это расхватили къ четыремъ часамъ. Какъ только начало темнѣть, въ острогѣ оказалось уже нѣсколько пьяныхъ. Въ камеру къ намъ (мы сидѣли уже по три человѣка) вошелъ бродяга, рѣдко бывавшій, высокій, поджарый, съ узкимъ, горбоносымъ лицомъ и рѣдкой козлиной бородкой, эстонецъ родомъ. Былъ онъ когда то кантонистомъ и за грубость начальству попалъ въ Сибирь, выдержавъ сперва триста палокъ.

Эстонецъ былъ уже сильно пьянъ.

— На моемъ вѣку я съѣлъ триста палокъ, а розгамъ и счета нѣтъ, — лепеталъ онъ. — Все я пережилъ, окромя хорошаго. — Онъ разсказывалъ дальше, какъ бродяжилъ, какъ ночевалъ въ баняхъ, какъ отъ голода выдавалъ себя „чалдонамъ“ за знахаря и выгонялъ у нихъ таракановъ. Говорилъ онъ безсвязно; начиналъ одинъ разсказъ и обрывалъ. Вотъ за дверью раздалось фырканье и крики

сдавленнымъ басомъ: „Заходы! заходы! Пошелъ — заходы!“ — Явился толстый, красный надзиратель Печериця, за нимъ два младшихъ ключника. Одинъ изъ нихъ отмѣчалъ мѣломъ общее число арестантовъ на черной линейкѣ, которую держалъ въ рукахъ. Явился и обычный спутникъ Печерици — куцая, толстая, коротконосая моська съ подрѣзанными ушами, замѣчательно похожая на своего хозяина. Печериця никогда не разставался съ дружыной“, какъ онъ говорилъ, т. е. съ моськой и „съ братомъ“, — съ зеленымъ полуштофомъ, выглядывавшимъ изъ кармана черной чамарки . . . Началась повѣрка. На другое утро отперли камеры необыкновенно рано, часовъ въ шесть, когда было еще совершенно темно. Въ нашу камеру вошли два бродяги — Владиміръ, по осторожному, Сохатый и молодой щеголь Лебедевъ. Оба были въ чистыхъ „своихъ“ рубахахъ и оба немножко выпили уже. Бродяги поздравили насъ съ праздникомъ. Уголовныхъ подняли очень рано: въ ихъ камеру ждали священника, такъ какъ церкви въ N-ской тюрьмѣ нѣтъ. Въ нашей камерѣ постоянно спасались бродяги, не желавшіе присутствовать на богослуженіи.

Нѣкоторые изъ насъ были не особенно рады такому раннему визиту. Товарищи ворчали, переворачиваясь съ бока на бокъ. Заснуть снова имъ не удалось. Дверь опять распахнулась и, вмѣстѣ съ клубами сѣдого пара, который широкой струей застелился по полу, вошло человѣкъ восемь арестантовъ. Прокашлявшись, они выстроились; за тѣмъ странникъ, исполнявшій обязанность регента, растопырилъ руки, какъ городовой, когда кричитъ: „осади назадъ!“, сосредоточенно нахмурилъ брови и съ видомъ, не допускавшимъ возраженія, ковырнулъ ладонью въ воздухѣ. Хоръ запѣлъ. Потомъ насъ поздравили съ праздникомъ и арестанты отправились будить кантатами остальныхъ нашихъ товарищей. Съ утра половина тюрьмы была пьяна. Въ бродяжеской камерѣ устроилась пирушка въ складчину. Посреди камеры, на полу, на двухъ халатахъ, вмѣсто скатерти стояли: бачекъ съ нарѣзаннымъ варенымъ мясомъ, тарелка съ солеными огурцами, нѣсколько полубѣлыхъ хлѣбовъ и два чайныхъ стаканы зеленаго стекла. Рядомъ на полу стояли пять или шесть жестяныхъ чайниковъ. Въ нихъ былъ не чай, а водка. Безносый, смуглый арестантъ

Кукуруза, сидя на корточкахъ, крошилъ на халатѣ мясо. Участники складчины подходили поочередно, получали свой чайный стаканъ, выпивали его залпомъ, утирали усы ладонью и отходили. Черезъ пять минутъ чайники были выпиты до послѣдней капли. Въ одномъ углу собрались пѣвцы.

— Кенора бери! Бери кенора! — училъ Вятскій Лебедева. — Вотъ эту ноту бери: „соль ми, до: го-го-о-о!“ — затянулъ Вятскій, показывая, какую именно ноту взять. Собственно говоря, все это продѣлывалось, чтобы пустить пыль въ глаза. Ни Вятскій, да и никто изъ бродягъ, нотъ не зналъ. „Гдѣ нѣтъ солнца и зари, съ Ангары до устья моря вижу дикія скалы. Тамъ являются, какъ тѣни, по утесамъ дикари“, — запѣлъ хоръ. До смысла, впрочемъ, не всегда можно было добраться, такъ какъ слова путались страшно. Я такъ и не понялъ, кто бродилъ въ другой пѣснѣ съ гитарой подъ мышкой: Гидальго ли по берегу Ріальдо или наоборотъ.

— Цыганскую, цыганскую! — раздались веселые голоса. Въ камеру между тѣмъ принесли еще нѣсколько чайниковъ съ водкой. Выпившіе бродяги стали обносить товарищей,

не участвовавшихъ въ складчинѣ. Эти сидѣли съ равнодушнымъ видомъ по угламъ на своихъ подстилкахъ и не подходили къ халатамъ, чтобы ихъ не заподозрили въ напрашиваньи на угощенье. Поднесли двумъ цыганамъ — „коноводамъ“ (конокрадамъ), нѣсколькимъ мелкимъ „блатнымъ“ (ворамъ), Карманникъ Франчекъ снисходительно принялъ стаканъ изъ дрожащей руки бродяги, крякнулъ, сразу втянулъ всю водку, пополоскалъ ею ротъ, проглотилъ, скривился, сплюнулъ и тутъ же замѣтилъ, что на своемъ вѣку пивалъ нѣчто почище простого сиволдая.

— Цыганскую, цыганскую! — кричали развеселившіеся арестанты и запѣли пѣсню съ живымъ, плясовымъ темпомъ. Словъ въ ней только и было: „выйди, сударь, выйди, баринъ, на войну!“ Выскочилъ молодой цыганъ, надвинулъ на затылокъ черный картузъ съ надтреснутымъ козырькомъ, подобралъ полы халата и пошелъ танцовать, вначалѣ вяло, потомъ все болѣе и болѣе оживляясь. Вотъ онъ спросилъ халатъ, который, перелетѣвъ черезъ головы зрителей, шлепнулся о полъ, рѣзко гикнулъ и за тѣмъ началъ лихо вывертывать ногами. Когда этотъ цыганъ со-

всѣмъ выбился изъ силъ, явился другой, старикъ лѣтъ пятидесяти пяти, коренастый, крѣпко сложенный.

— Стойте, я тоже хочу танцовать — крикнулъ эстонецъ. — Вы думаете, не умѣю? Я все умѣю. Я — старый бродяга. Я каторжный бродяга! — лепеталъ онъ. Кто то потянулъ эстонца за халатъ и онъ растянулся на полу ... Вечерѣло. Водка разобрала арестантовъ. Въ пьяныхъ рѣчахъ чуялась теперь таже великая, вавилонская тоска, томленіе по волѣ, по простору, по широкому размаху. „Чижало намъ, братцы, во неволѣ, — выводилъ съ плачемъ бродяга Щербатый, — ихто не знаетъ про острогъ?“

— Я все перевидалъ: и палки, и розги, окромя хорошаго, — лепеталъ по прежнему въ своемъ углу эстонецъ. Бродяга Уткинъ внезапно пришелъ въ бѣшенство, сбросилъ халатъ и полѣзъ во дворѣ на фонарный столбъ.

Схаменысь, боживильный! (Успокойся, сумасшедшій!) куда ты? — схватилъ его за полу надзиратель Прядка, похвалявшійся тѣмъ, что однимъ ударомъ можетъ свернуть „вязы“ (скулы).

— Къ богу-батюшкѣ на небо лѣзу! — въ пьяной ярости закричалъ Уткинъ, — жаловаться хочу; зачѣмъ скверно землю сдѣлалъ. Почто ему судъ снадобился? Почто велѣлъ людей, какъ звѣрье, сгонять въ клѣтку!

Нѣсколько пьяныхъ арестантовъ у забора перекликались отборными ругательствами съ бабьимъ отдѣленіемъ. Надзиратель Барановскій спалъ на крылцѣ, держа въ рукахъ ключи. Онъ напился тоже еще съ утра у арестантовъ.

Такъ прошло Рождество въ „ненастоящей“ тюрьмѣ. А въ концѣ января насъ вытребовали въ Харьковъ по поводу мѣстныхъ дѣлъ.